

«НАМИ ПРАВИЛИ МУМИИ»

Интервью с лауреатом Государственной премии России

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ академический театр Советской Армии внешне может служить олицетворением величественного абсурда советской эпохи, воплощенного в его двенадцати этажах и шестиметровых в основании стенах. Огромное здание, выстроенное в форме пятиконечной звезды, труппа, формировавшаяся под присмотром Главлитуправления СА и ВМФ, главный режиссер — номенклатура Министерства обороны...

В истории этого театра блестящие режиссерские и актерские удачи сплетаются с жестокими цензурными погромами. Совсем недавно бывший начальник Главпура генерал Шляга запретил ЦАТСА ретелировать «Стройбат» С. Каледина, а незадолго перед этим маршал Язов не пустил на сцену крупнейшего германского режиссера Петера Штайна. Немец будет ставить какого-то Эскила в нашем, армейском театре?.. Мы что, для этого Берлин брали? Низ-зя! Психология труппы складывалась под влиянием мощного генеральского рыка — в этом отношении ЦАТСА оставался самым советским из всех советских театров.

Леонид Хейфец был его псыником. Этому способствовало то, что он являлся любимым учеником А. Д. Попова, крупнейшего советского режиссера, с чьим именем связан расцвет армейской сцены (в конце юнкос Главпура Попова из театра уволил). Хейфец и сам вскоре оказался за неприступными стенами ЦАТСА. И тоже не по своей воле. Он много и успешно ставил, преподавал, пока три с лишним года назад не был приглашен на должность главного режиссера переживавшего смутную пору, растерянного и полуразваленного Театра Советской Армии. Им был оставлен «Павел I», спектакль, два сезона заполнявший огромный зал ЦАТСА. В конце декабря Леонид Хейфец и исполнявший в «Павле» заглавную роль Олег Борисов стали лауреатами Государственной премии России. Но наш разговор начался с другой, менее приятной темы...

— Леонид Ефимович, как живет сейчас такой мастодонт, как ЦАТСА? Чтобы содержать огромное здание, нужны большие деньги. Раздутую труппу надо как-то занимать в спектаклях. А выпустить новую премьеру ой как не просто: и из-за дезорганизации, и из-за до-ограничений и дефицита — сумма и бардак для децентрации стоят бешеными денег. Что чувствуете театр, что чувствуете вы, режиссер?

— Я чувствую себя так же, как и любой другой человек, живущий в России. Недавно в меня заболел зуб, а в поликлинике сказали — принять не можем, нет новоканна, приезжайте со своим. Я смогу его купить? Но что делать тем, у кого на новоканн нет денег? Что делать людям, которые неприкосновенны к новой жизни?

Театру Советской Армии тяжело. Непонятно, что будет с армией и что ей будет руководить — Министерство ли обороны, или какое-то другое ведомство. Нас заверяли, что и в этот период армия горда тем, что у нее есть ЦАТСА, Ансамбль Советской Армии, Студия имени Грекова, музей... Нам обещана полная самостоятельность и свобода от любой цензуры. Документы, подтверждающие это, сейчас оформляются, но вопросов по-прежнему много. Неясно, в какой сумме мы будем нуждаться, чтобы содержать театр, какая ее часть будет компенсироваться, насколько мы

будем самостоятельны, чтобы самим заработать недостающие деньги.

— Не поучится ли так, что вообще будет не до театра?..

— Он особенно нужен сейчас, — и скоро люди это почувствуют. Чем труднее народу, тем сильнее тяга к театральному празднику. И в былые времена это хорошо понимали. Я был мальчиком во время войны, мой отец шел на фронт, и мне было очень видеть, как по улицам города ходили сравнительно молодые, хорошо одетые люди. Они были артистами, и у них была броня. А это было мудро — то, что театры работали и Шостакович писал симфонию... Люди живы, пока они могут наслаждаться искусством. Если это у них отнять, они превратятся в животных.

Уже многие годы у нас этого не понимают — и, к примеру, строят огромный город Челябинск, в котором персонально не было ни одного кинотеатра. Россию покрыли гигантские рабочие поселки, где человек, придя с работы, должен поехать, посмотреть телевизор, высидеть и утром снова встать к станку. Поэтому после шести вечера в этих городах страшно выйти на улицу, а вещи, которые делают вымотанные монотонным и безрадостным бытом люди, никуда не годятся. Да и сейчас отношение к культуре мало изменилось: «Не до вас, ребята, у меня в Пролетарском районе хлеба в семь утра не купили, а тут еще вы с театром, не до нас...»

— А театры всегда очень чутко реагируют на общественное неустраивание и разлад. Они в такие времена гибнут.

— У нас произошел сбой в работе на Большой сцене — последствия этого для театра примерно такие, как если бы на Большом заводе стал конвейер. Все началось с запрета «Стойбата». Это была подножка. Сразу сползнулся весь график — была приторможена следующая постановка. Затем не позволило спектаклем «Шлюк и Яу». А потом ставка была сделана на «Маскарад» с Олегом Борисовым в роли Арбенкина. Но Борисов сейчас болен и не может репетировать, он и в «Павле I» не играет. Все планы рухнули, более того — сезон начали без «Павла» — главного спектакля, вокруг которого строился репертуар. Нас преследуют неудачи, о которых предупреждали старые театралы. Существует поверье, что «Маскарад» не приносит счастья. Тем не менее мы работаем: Арбенкина репетирует И. Ледоговор. Мы верим в него и ждем возвращения Воржова. А дальше — булгаковский «Дон Кихот» с Вл. Сошальским и Н. Пастуховым в постановке Валерия Саркисова. «Богдановская орхидея» с О. Богдановой. В. Зельдинки и Л. Касаткиной в главных ролях, которую репетирует А. Бурдюжский... И, наконец, долгожданная «Орестея», которую у нас собирается ставить крупнейший немецкий режиссер Петер Штайн.

Нам тяжело. Тем более я признателен коллективу за теплоту и понимание.

— Лучшие ваши спектакли — «Смерть Иоанна Грозного», «Павел I» — рассказывают о трагедии русской государственности и о личных трагедиях тех, кто Россией правил. В самом деле, ведь в нашем прошлом нет ни одного реформатора, который окружен почетом, ушел бы на покой, а после смерти остался в пантеоне истории. Ного-то выстраивают творчество, ного-то вытаскивают из Мавзолея... После смерти вчерашних мумиов (а по-

рой и при их жизни, когда власть перешла к другому) о них власть вытирают ноги. Это особенность нашего национального характера?

— Наша страна уникальна и из-за исторической судьбы, и по самому географическому положению. На севере мнутся степь бесст. а на юге — за толпать. Вдоль раздел между Западом и Востоком пролет через наши земли — отсюда войны, отсюда трагическая раздвоенность национального сознания. Особенно драматичным в отечественной истории оказался XX век, когда рынок вперед отбросил нас далеко назад.

Мы помыслили, что нами правят бессовестные, отказавшиеся ради власти от всех нравственных принципов люди. Они потворались мимо нас в черных автомашинах, десятилетиями мы не знали, способны ли они уныбнуться, сказать нормальное человеческое слово... Наши правили мумии. Они лгали нам, и мы им верили. И я боюсь реакции народа, который решит, что его снова пытаются обмануть, что им снова пренебрегают. Когда человека оперируют, рядом стоит медсестра, глядит ей по голове и говорит: «Потерпи, поглубже, потерпи, станет легче...» Сейчас нам делают операцию без наркоза и раже без лобного слова. Дай Бог, чтобы большой выдержал и пилан Ельцина — Гайнапа стая хотя бы маленькой стученькой на пути к лучшему будущему.

А наша национальная черта, которую вы упоминали... Что говорить, весь рабство в нашей стране отменяли только в селедние прошлого столетия. Хуяить того, кто не хочет или не может за это мстить, топтать поварженного — черта рабского сознания.

— Вы не Горбачева имеете в виду?

— И его тоже. Если он в чем-то виновен, судите его, если нет — оставьте в покое.

Вы знаете, порой у меня появляется ощущение, что, разрушая старые мифы, мы создаем новые, не менее лживые. XX съезд перевернул мою жизнь пополам. Я искренне оплакивал Сталина и после его разоблачения уже не мог стать таким, каким я был прежде. И тем не менее я не в восторге от того, что сейчас делают из советской эпохи. Сталина нельзя рассматривать изолированно от Ленина, а того — от времени и от русской истории... Но это уж, конечно, не моя область.

— Что дает вам духовную опору, помогает жить?

— Работа. Сознание того, что наш театр — сильнейший в мире, что наш труд не пропадет даром. Несколько лет веду педагогические актерские семинары во Франции и не раз становился свидетелем триумфа русской театральной школы. Интерес к ней за рубежом огромен. На Западе есть замечательные актеры, но выдвигаются они путем естественного отбора. Окружающий же их уровень дилетантизма и театрального невежества чрезвычайной велик. Мы сами не создаем нашего богатства!

Сегодня Российская театральная академия, где я преподаю, бывший ГИТИС, — одно из лучших театральных учебных заведений мира, с мощнейшей кафедрой режиссуры. И мы будем рады, если в этом году, как и прежде, молодые люди придут к нам на вступительные экзамены. Артисты России всегда будут нужны.

Беседу вел А. ФИЛИППОВ.